

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.30>

Иванова Елизавета Васильевна

О ГРАНИЦАХ В ЯЗЫКЕ

В статье на материале английского языка рассматривается вопрос о проведении границ между языковыми единицами, обладающими рядом сходных и противоположных характеристик. В результате анализа трех спорных случаев определения границ в языковом материале, по поводу которых нет единства мнений уже более полувека, делается вывод о необходимости учитывать плавность перехода от одного явления к другому в языковой системе в целом и обосновывается целесообразность признать существование промежуточных, переходных между языковыми явлениями зон.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/7-1/30.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 7(85). Ч. 1. С. 133-137. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

3. **Иссерс О. С.** Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд-е 5-е. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.
4. **Карякин А. В.** Стратегическо-тактические способы реализации речевой агрессии в политическом дискурсе (на материале немецкого языка): автореф. дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2010. 19 с.
5. **Клюев Е. В.** Речевая коммуникация: учебное пособие для университетов и институтов. М.: РИПОЛ классик, 2002. 320 с.
6. **Коробова Н. В.** Мелиоративные коммуникативные стратегии современной английской речи (на материале британского ареала): автореф. дисс. ... к. филол. н. Новгород, 2007. 16 с.
7. **Мишук О. Н.** Речевое воздействие и самопрезентация (на материале публичных выступлений): дисс. ... к. филол. н. Тула, 2013. 230 с.
8. **Петрухина О. П.** Аргументативные стратегии британского политика: автореф. дисс. ... к. филол. н. Абакан, 2009. 18 с.
9. **Сухих С. А.** Речевые интеракции и стратегии // Языковое общение и его единицы: межвузовский сборник научных трудов. Калинин: КГУ, 1986. С. 71-77.
10. **Фирстова Л. А.** Дискурсивные стратегии и тактики в рамках телепублицистического дискурса (на материале русскоязычных и англоязычных информационных программ): автореф. дисс. ... к. филол. н. Саратов, 2008. 24 с.
11. <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=123199> (дата обращения: 25.02.2018).

TACTICAL AND STRATEGIC ORIGINALITY OF D. TRUMP'S PRE-ELECTION DISCOURSE

Zhizhina Alla Evgen'evna

*Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky
zhizhina.alla@yandex.ru*

The article is devoted to studying the originality of the self-presentation super-strategy in D. Trump's pre-election discourse. The author examines the means of its implementation – specific strategies and general communication tactics. The frequency of using speech tactics, represented at the lexical and grammatical levels, by D. Trump is analyzed. Persuasive techniques are considered as auxiliary/facilitating means in all the tactics and strategies of pre-election political discourse. The direct connection of rhetorical methods with the self-presentation super-strategy is substantiated.

Key words and phrases: pragmalinguistics; speech influence; self-presentation; communicative strategy; communicative tactics; political discourse.

УДК 811.111-26

Дата поступления рукописи: 11.03.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.30>

В статье на материале английского языка рассматривается вопрос о проведении границ между языковыми единицами, обладающими рядом сходных и противоположных характеристик. В результате анализа трех спорных случаев определения границ в языковом материале, по поводу которых нет единства мнений уже более полувека, делается вывод о необходимости учитывать плавность перехода от одного явления к другому в языковой системе в целом и обосновывается целесообразность признать существование промежуточных, переходных между языковыми явлениями зон.

Ключевые слова и фразы: проведение границы; относительность границ в языке; категория; полисемия; омонимия; сложное слово; словосочетание; пословица; фразеология.

Иванова Елизавета Васильевна, д. филол. н., профессор
*Санкт-Петербургский государственный университет
lisa181054@gmail.com*

О ГРАНИЦАХ В ЯЗЫКЕ

Одна из фундаментальных задач лингвистических исследований издавна заключалась в упорядоченной классификации языковых явлений и определении четкого лингвистического статуса той или иной языковой единицы. Далеко не всегда эта задача могла быть успешно решена, что неизбежно порождало подробное обсуждение спорных случаев в научной литературе, введение дополнительных критериев для разграничения не поддающихся принятой систематизации единиц и разделение исследователей на группы в зависимости от присущих им различных, нередко прямо противоположных взглядов.

Смена научной парадигмы, произошедшая в отечественной лингвистике за последние 20-25 лет, позволяет по-новому взглянуть на традиционно спорные вопросы и поставить под сомнение необходимость их разрешения именно в том ключе, в котором предполагалось ранее – в плане проведения четких, однозначно классифицирующих языковые единицы границ. Актуальность предпринятого анализа определяется тем, что постулаты интенсивно развивающейся в настоящий момент когнитивной лингвистики используются в целях обоснования более гибкого подхода к не разрешаемым на протяжении длительного времени проблемам. Основными положениями когнитивной лингвистики, которые предлагается учитывать при анализе спорных случаев разграничения, являются размытость границ категории и включение объектов в категорию на основании их «фамильного сходства» вслед за идеями Л. Витгенштейна [32], на разном удалении от «лучшего представителя» категории согласно работе Э. Рош [30]. В настоящее время главное внимание уделяется учеными описанию языковой категоризации окружающего человека мира [9, с. 90-206], однако закономерности категоризации, разработанные

и обоснованные когнитивными исследованиями, целесообразно учитывать и при анализе собственно лингвистических категорий и систематизации лингвистического статуса языковых явлений.

В число рассматриваемых в данной статье спорных вопросов входит проблема разграничения в английском языке полисемии и омонимии, сложного слова и словосочетания и проблема включения пословиц в состав фразеологических единиц. Эти вопросы изучались в лингвистике на протяжении длительного времени, и попытки их решения предпринимаются также и в настоящее время [12; 15; 17].

Задача настоящей статьи заключается в обосновании наиболее целесообразного, с точки зрения автора, подхода к систематизации языковых единиц по их лингвистическому статусу.

Необходимо признать, что предлагаемый подход уже был фактически подготовлен в каждом отдельном случае предшествующими поколениями ученых и во многом требует только обобщения и обоснования на основе новой научной парадигмы. Тем не менее научная новизна исследования видится в том, что вышеупомянутые спорные вопросы проведения границ рассматриваются в совокупности, что дает возможность предложить унифицированный взгляд на данную проблему при описании лингвистических категорий в целом. Автором дается краткая характеристика особенностей строения категорий во всех трех случаях, а также описывается дополнительный параметр сходства фразеологических словосочетаний и пословиц.

Рассмотрим указанные спорные вопросы по порядку.

Вопрос проведения границ между полисемантическими словами и омонимами, чрезвычайно характерными для английского языка в силу особенностей его исторического развития, лингвисты традиционно пытались решить на синхронном срезе с помощью семантического критерия. Как отмечал М. В. Никитин, отличие полисемии от омонимии состоит в наличии при полисемии общих семантических признаков у значений, связанных с одним и тем же десигнатором [14, с. 35]. Однако еще С. Ульманом была убедительно продемонстрирована возможность приписать семантическую связь значениям слов, которые имеют разное происхождение и, безусловно, относятся к омонимам [31, р. 104]. Пример С. Ульмана со словами *ear* (колос) и *ear* (ухо), обладающими разной этимологией, но допускающими предположение о связи значений вследствие сходства формы ушей некоторых животных и колосьев, стал классическим примером ненадежности семантического критерия.

Дополнительно вводимые критерии разграничения (дистрибутивный анализ, словообразовательный анализ) также во многих случаях не позволили провести бесспорные границы между полисемантическими словами и лексическими омонимами, т.е. языковыми знаками, относящимися к одной и той же части речи. Оказалось, что дистрибуция единиц данных двух классов может совпадать, а участие в словообразовательных процессах не столь разительно отличается, чтобы дать основания для их однозначного разграничения.

Кроме того, неизбежно возникал вопрос о моделированной омонимии, репрезентированной глаголами и существительными, образованными или связанными отношением по конверсии:

love – to love; paint – to paint (любовь – любить; краска – красить).

В этом случае существительные и глагол семантически соотносятся друг с другом, но являются омонимами, поскольку принадлежат к разным частям речи.

Попытки использовать понятие лексического прототипа, характерные для сравнительно недавних работ, выполненных в антропоцентрической парадигме [15; 17], страдают, на наш взгляд, теми же недостатками, что и усилия их предшественников установить достоверные семантические связи. Проведение границ основано в них на возможности моделирования прототипа значений, соотнесенных с той или иной звуко-графической формой. Однако вероятность ошибки вследствие субъективности такого моделирования столь же велика, как и при выявлении семантических связей значений.

По поводу данной проблемы Ю. Д. Апресян еще в 1974 г. указывал на относительность понятий полисемии и омонимии и подчеркивал, что в языке существуют единицы разной степени омонимичности, так же, как и полисемантические единицы, по-разному удаленные от омонимов [2, с. 184-185]. В этом отношении Ю. Д. Апресян надолго опередил одного из основателей когнитивной лингвистики Р. Лангакера, полагающего, что омонимы являются крайними точками на шкале семантически связанных значений, соотнесенных с одной формой. При этом при омонимии единственным связующим звеном двух значений выступает одна и та же фонетическая форма [26, р. 136].

Класс омонимов включает большое разнообразие групп, выделяемых на основе перекрестного использования трех параметров: принадлежности/непринадлежности к одной части речи, полноты совпадения всех форм слов омонимичной пары, совпадения/несовпадения графической формы [7, с. 81-83]. Интегральной характеристикой выступает совпадение звучания одной/нескольких/всех форм слов в омонимичной паре. Исходя из традиционного определения омонимов как слов, имеющих одинаковое звучание, но семантически не связанных между собой, в качестве «лучших представителей» класса можно рассматривать бесспорные случаи лексических омонимов (типа *ring* – звонок и *ring* – кольцо) в силу полного совпадения всех форм, написания и противопоставленности полисемантическим словам исключительно по признаку отсутствия семантической связи. Однако именно группа лексических омонимов соприкасается с промежуточной, переходной между омонимами и полисемантическими словами зоной. Группа лексико-грамматических омонимов, например *mean – to mean* (подлый – значить), от переходной зоны достаточно далека, как и все остальные группы, за исключением моделированных лексико-грамматических омонимов.

Иной спорный вопрос проведения границ между языковыми единицами касался разграничения сложных слов и устойчивых словосочетаний. Странники подобного разграничения [8; 18; 22; 25] стремились найти критерии для обособления друг от друга этих различных по своему лингвистическому статусу единиц. Однако поиски подобных критериев на разных языковых уровнях во многих случаях не дали возможности проводить

убедительную границу. Использование фонетического, морфологического, семантического, орфографического критериев, по отдельности и в совокупности, не позволило получить положительных результатов [29, p. 180].

Сложности разграничения заставили многих исследователей, в первую очередь западных, усомниться в его целесообразности и отказаться разграничивать сложные слова и словосочетания [23; 24; 28]. В результате сложные слова и словосочетания объединялись ими в класс номинативных бинарных единиц и именовались традиционным термином «сложные слова» (compounds), «фразовые сложные слова» (phrasal compounds) или термином «сложные имена» (complex nominals). Разнородность объединенного в один класс материала оказалась совершенно очевидной.

Наиболее приемлемым в данной ситуации видится третий подход, представленный, например, исследованиями О. Н. Труевцевой и В. И. Шадрина. О. Н. Труевцева выделяет класс номинативных биномов, образующих дополнительный уровень между сложными словами и словосочетаниями и являющихся одновременно и теми, и другими [19]. В. И. Шадрин подходит к решению проблемы на основе универсалии «центр – периферия», выделяя классы типичных сложных слов и типичных словосочетаний, а также промежуточные группы между ними, обладающие характеристиками и тех, и других [21].

Как отмечал И. К. Архипов, некоторые группы сложных слов занимают промежуточное положение между единицами языка и единицами речи, то воспроизводятся, то создаются в акте коммуникации, что вызывает колебания фонетической и орфографической нормы и неизбежно создает сложности проведения границ между ними и сочетаниями слов [3, с. 55].

По прошествии нескольких десятков лет с того времени, когда были написаны указанные выше работы, исследователи, как и прежде, стоят перед проблемой проведения границы между сложными словами и словосочетаниями. Как отмечает Е. А. Градалева, для обоснованного разграничения необходимо полагаться на несколько критериев, учитывая при этом, что существуют переходные единицы, неизбежно вызывающие разногласия у исследователей [5, с. 18].

Более эффективным подходом было бы не пытаться провести строгую границу и в этом случае, а признать существование переходной зоны между двумя классами языковых единиц и определить критерии отнесения единиц в эту зону, учитывая наработки предшественников. В классе сложных слов легко можно выделить прототипическое ядро, «лучших представителей», включающих единицы, которые пишутся слитно, имеют объединяющее ударение, состоят из двух слогов, характеризуются идиоматичностью, что позволяет однозначно поместить их в центр класса.

Backpack, catfish, handbook (рюкзак, сом, справочник).

Остальные типы сложных слов в зависимости от сочетания варьируемых характеристик (характер ударения, слоговая протяженность, степень идиоматичности, написание через дефис) располагаются на разном удалении от ядра.

В переходную же зону в первую очередь войдут воспроизводимые единицы небольшой слоговой протяженности, типа *godchild* (крестник), *grapefruit* (грейпфрут), обладающие нестабильной орфографической нормой. Далее в нее следует включить раздельно пишущиеся устойчивые образования небольшой слоговой протяженности и с объединяющим ударением типа *gun dog* (охотничья собака). И далее в нее могут быть внесены устойчивые единицы с иным типом ударения (основное и второстепенное, равноударные компоненты), единицы, состоящие из трех слогов. Переходная зона, объединяющая языковые единицы с варьирующимися характеристиками, но постоянно/временами пишущиеся раздельно, является своего рода зеркальным отражением категории сложных слов, пишущихся слитно. «Зеркальность» проявляется в том, что характеристики входящих в нее единиц совпадают с характеристиками сложных слов, единственным различием при этом остается орфографический признак (ср.: *greenhouse* – теплица и *green room* – комната отдыха артистов).

Третьей проблемой проведения границ, неизменно вызывающей споры в лингвистике, является вопрос о включении пословиц в состав фразеологических единиц. Так, В. В. Виноградов [4], А. В. Кунин [10], А. Г. Назарян [13], Т. З. Черданцева [20] и многие другие исследователи рассматривали пословицы в составе фразеологии, а Н. Н. Амосова [1], В. П. Жуков [6], А. И. Молотков [11] и их последователи исключали пословицы из фразеологического фонда.

Исследователи не включают пословицы в состав фразеологии на том основании, что в основе их значений лежат суждения, а не понятия, как у фразеологических единиц – словосочетаний. Кроме того, в отличие от фразеологических словосочетаний пословицы могут употребляться в буквальном и переносном значениях [1, с. 145; 4, с. 129-130].

Если включать в пословичный корпус клишированные предложения без переносного значения, например «It is better to be born lucky than rich» («Лучше родиться удачливым, чем богатым»), то к подобной точке зрения прибавится и тот аргумент, что у фразеологизмов-словосочетаний значение непосредственно не выводится из суммы значений компонентов [7, с. 241]. Эти пословицы не обладают образностью, однако ею также не обладают и фразеоматизмы А. В. Кунина, типа *brown paper* (оберточная бумага), которые имеют осложненное, по словам автора, значение, не выводимое как сумма значений компонентов [10, с. 327].

Пословицы относят к фразеологии на основании их воспроизводимости в речи и невозможности произвольно менять компоненты в их составе, хотя некоторая вариативность в ряде пословиц, как и в ряде фразеологических словосочетаний, присутствует [7, с. 241].

Компромиссным решением данной проблемы явился подход Г. Л. Пермякова, согласно которому делается различие между собственно фразеологией, куда пословицы и поговорки не входят, и фразеологией в широком смысле, включающей пословицы и поговорки [16, с. 249]. Г. Л. Пермяковым было также предложено выделить отдельный паремиологический уровень языка, куда бы пословицы и поговорки вошли

наряду с рядом других сложных по структуре, но воспроизводимых в речи образований [Там же]. Идеи Г. Л. Пермякова находят отклик у современных исследователей лингвистического статуса пословиц и иных воспроизводимых образований со структурой законченного предложения [12].

Вопрос о поговорках, определение которых вызывает большие разногласия среди исследователей, в данной статье не рассматривается. Что же касается пословиц, то они, безусловно, образуют достаточно четко очерченную группу единиц, по ряду характеристик отличающую их от фразеологических словосочетаний, а по ряду других характеристик достаточно близко к ним стоящую.

В качестве характеристик, приближающих пословицы к фразеологическим словосочетаниям, кроме перечисленных, можно отметить еще одно свойство.

Так, значение пословиц по своему характеру очень близко значению глагольных фразеологических единиц, типа *to pull a rabbit out of the hat* (to suddenly produce something as a solution to a problem) (вытащить кролика из шляпы – неожиданно найти решение проблемы). Глагольные фразеологические единицы, как и пословицы, обозначают ситуацию, но не все участники этой ситуации названы, в отличие от пословиц. Так, в вышеприведенной фразеологической единице не назван субъект действия. Эта позиция заполняется в речи.

Особенно явственно тесная связь обнаруживается между императивными пословицами и глагольными фразеологическими единицами:

Don't wash your dirty linen in public <> *to wash your dirty linen in public* (Не стирай свое грязное белье у всех на виду, т.е. не делай всеобщим достоянием неприглядные стороны своей жизни >> стирать свое грязное белье у всех на виду).

Кроме того, единицы с частично-предикативной структурой, которые Н. Н. Амосова включает в состав фразеологии [1, с. 135], также соотносятся с ситуацией:

till the cows come home (нескоро, букв.: когда коровы вернутся домой).

С ситуацией соотнесены и модальные, по А. В. Кунину [10, с. 427], фразеологические единицы (*as sure as eggs is eggs* – наверняка, букв.: так же верно, как и то, что яйца – это яйца). Ситуативный характер значения носят и некоторые компаративные адъективные фразеологические словосочетания: *nervous as a long-tailed cat in a room full of rocking chairs* (очень нервный, букв.: нервный, как длиннохвостая кошка в комнате, заполненной креслами-качалками).

Собственно говоря, если рассматривать «лучших представителей» класса фразеологических словосочетаний, к которым можно отнести субстантивные идиомы, то следует также отметить стоящую за ними ситуативность. Особенно она свойственна идиомам, в которых два существительных связаны предлогом (*a frog in the throat* – хрипота; *a drop in the ocean* – капля в море). В этих случаях названы лишь некоторые компоненты ситуаций, а полные ситуации находятся на уровне концептуальных структур, стоящих за идиомами.

Таким образом, мы можем обнаружить наличие признака ситуативности у целого ряда единиц, как традиционно включаемых в состав фразеологических, так и вызывающих разногласия по поводу своего лингвистического статуса, и отметить градацию полноты его выражения в единицах разной структуры. Ситуативность можно рассматривать как дополнительный признак «фамильного сходства», объединяющий пословицы с фразеологическими словосочетаниями. Подчеркнем, что в чисто структурном отношении пословицы четко отграничены от словосочетаний как законченные предикативные структуры.

На основе анализа трех рассмотренных выше случаев классификаций языковых единиц можно сделать следующие выводы.

1. Рассмотренные лингвистические категории включают единицы, обладающие сходными и различными характеристиками, что позволяет говорить об их объединении на основе «фамильного сходства» Л. Витгенштейна и возможности выделения в них прототипического ядра и групп, находящихся на разном удалении от этого ядра и от смежных категорий. Наличие промежуточных зон между лингвистическими категориями соответствует общему положению о размытых границах категорий. Основанием для такого подхода являются плавность перехода в языковой системе от одного типа единиц к другому, отсутствие данных, позволяющих окончательно и бесповоротно провести четкие границы в целом ряде случаев.

2. Рассмотренные лингвистические категории имеют разные конфигурации. «Лучшие представители» класса омонимов входят в группу, непосредственно соприкасающуюся с переходной зоной. Остальные группы класса четко обособлены от категории полисемантических слов. Переходная зона класса сложных слов обладает теми же признаками, что и входящие в категорию сложных слов единицы, за исключением орфографического. Классы фразеологических словосочетаний и пословиц, отличающиеся в первую очередь по структурному признаку, могут быть, однако, объединены в единую категорию на основе иных сходных характеристик. Таким образом, переходная зона может соотноситься с группой единиц в составе категории, со всеми группами или же отсутствовать, что не меняет обозначенного принципа выделения лингвистической категории и учета варьирования характеристик ее составляющих.

3. Представляется важным не просто признать отсутствие жестких границ в каждом отдельном из рассмотренных случаев, но экстраполировать обозначенный подход на проведение лингвистических границ в целом, ориентироваться на их относительный характер во многих других случаях. Стремление жестко обособить друг от друга классы языковых единиц восходит к долго господствующему в языкознании структурализму и может привести к излишней формализации языка, о которой предупреждал Р. Лангакер [27, р. 43].

4. Предлагаемый подход ни в коей мере не означает призыва отказаться от классификации языковых явлений, а лишь подчеркивает сходство лингвистических категорий с другими категориями и необходимость рассматривать их с тех же позиций.

5. Следует сделать оговорку, что в ряде случаев в целях ограничения материала исследования резкие границы между размытыми категориями могут быть проведены на основании того или иного критерия, однако подобные границы являются условными и служат сугубо практическим целям, не отражая реально существующую взаимосвязь между языковыми классами. Например, при анализе сложных слов можно ограничиться единицами, неизменно пишущимися слитно или через дефис. Или, к примеру, при анализе семантики фразеологических единиц возможно счесть целесообразным сузить круг исследования до словосочетаний, исключив фразеологические предложения.

Список источников

1. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. 208 с.
2. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 251 с.
3. Архипов И. К. Семантика производного слова английского языка. М.: Просвещение, 1984. 128 с.
4. Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Виноградов В. В. Избранные труды: лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 118-139.
5. Градалева Е. А. Способы разграничения сложных слов и словосочетаний английского языка // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 10 (163). С. 15-20.
6. Жуков В. П. Предисловие // Словарь русских пословиц и поговорок / сост. В. П. Жуков. М.: Русский язык, 1991. С. 9-21.
7. Иванова Е. В. Лексикология и фразеология современного английского языка. СПб. – М.: Филологический ф-т СПбГУ; Академия, 2011. 352 с.
8. Иванова И. П. О характеристике сложного слова типа *rainbow* в английском языке // Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии / отв. ред. И. П. Иванова. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967. Вып. 1. С. 3-9.
9. Когнитивные исследования языка: когнитивная лингвистика в антропоцентрической парадигме исследований: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике (20-22 сентября 2017 г.) / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М. – Тамбов: Институт языкознания РАН; Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2017. Вып. XXX. 868 с.
10. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна: Феникс, 2005. 488 с.
11. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, 1977. 283 с.
12. Моргоева Л. Б. К вопросу о границах фразеологии [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9355> (дата обращения: 09.03.2018).
13. Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка. М.: Высшая школа, 1976. 318 с.
14. Никитин М. В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика). М.: Высшая школа, 1983. 127 с.
15. Новиков Д. Н. Разграничение полисемии и омонимии в свете когнитивной лингвистики: дисс. ... к. филол. н. СПб., 2001. 173 с.
16. Пермьяков Г. Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору: сб. статей / сост. Е. М. Мелетинский, С. Ю. Нехлюдов. М.: Наука, 1975. С. 247-274.
17. Песина С. А. Лексический прототип в семантической структуре слова: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 1998. 22 с.
18. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1956. 260 с.
19. Труевцева О. Н. Английский язык: особенности номинации. Л.: Наука, 1986. 248 с.
20. Черданцева Т. З. Язык и его образы: очерки по итальянской фразеологии. М.: Международные отношения, 1977. 167 с.
21. Шадрин В. И. Семантико-синтаксическое исследование сложных существительных в современном английском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1977. 15 с.
22. Ball A. W. Compounding in the English language. N. Y.: H. W. Wilson Company, 1941. 226 p.
23. Downing P. On the creation and use of English compound nouns // Language. 1977. Vol. 54. № 4. P. 810-842.
24. Fries Ch. American English Grammar. N. Y., 1940. 314 p.
25. Jespersen O. A modern English grammar on historical principles: in seven parts. L.: G. Allen & Unwin, 1954. Part IV. Morphology. 570 p.
26. Langacker R. W. A usage-based model // Topics in cognitive linguistics / ed. by B. Rudzka-Ostyn. Amsterdam – Philadelphia: J. Benjamins, 1988. P. 127-161.
27. Langacker R. W. Foundations of cognitive grammar. Stanford: Stanford University Press, 1987. Vol. 1. 516 p.
28. Levi J. N. The syntax and semantics of complex nominals. N. Y. – San Francisco – L.: Academic press, 1978. 301 p.
29. Matthews P. H. Morphology. An introduction to the theory of word structure. Cambridge: Cambridge University Press, 1974. 243 p.
30. Rosch E. Principles of categorization // Cognition and categorization / ed. by E. Rosch, B. Lloyd. Berkeley: University of California, 1978. P. 27-48.
31. Ullmann S. Semantics: An Introduction to Science of Meaning. N. Y.: Barnes & Nobles, 1962. 278 p.
32. Wittgenstein L. Philosophical investigations. Oxford: Oxford University Press, 1967. 250 p.

ON BOUNDARIES IN LANGUAGE

Ivanova Elizaveta Vasil'evna, Doctor in Philology, Professor
Saint Petersburg University
lisa181054@gmail.com

By the material of the English language the article considers the question of drawing boundaries between linguistic units having a number of similar and opposite characteristics. As a result of the analysis of three controversial cases of defining boundaries in language material, on which there hasn't been a consensus for more than half a century, the author concludes that it is necessary to take into account smooth transition from one phenomenon to another in the language system as a whole and justifies expediency to recognize the existence of intermediate transitional zones between linguistic phenomena.

Key words and phrases: drawing the boundary; relativity of boundaries in language; category; polysemy; homonymy; compound word; word combination; proverb; phraseology.